

Марцел Мартинкович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ СЛАВЯНСТВА И ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В СЛОВАЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. *

Источники размышлений о взаимном сотрудничестве славянских народов в словацкой культурной и политической среде в сер. XIX в. мы находим в работах Я. Коллара. Однако мнения о форме сотрудничества значительно различаются. Причины лежат в разных ответах на вопрос о том, какую роль Россия, как доминирующее «племя» славянства, должна играть в реализации идеи славянской взаимности. Выраженный в работе Л. Штура «Славянство и мир будущего» идеалистический взгляд на царскую Россию как на политический гарант, способный государственно выстраивать развитие отдельных славянских народов в направлении к высшему типу культуры, представленному русской нацией, впоследствии в словацком культурно-политическом дискурсе был подвергнут острой критике. В противовес этому взгляду была сформулирована альтернативная концепция славянской взаимности, где акцент был поставлен на единые гражданские и политические цели отдельных славянских народов (Я. Паларик, Я. Малли). Однако после политического провала Новой школы в словацкой политической мысли появился еще один подход, согласно которому Россия – это ключевой актер в реализации национальных и гражданских прав славян. Эта позиция нашла отражение, в частности, в публицистике С. Г. Ваянского.

Ключевые слова: славянство, славянская взаимность, идея единства разного, словацкое политическая мысль, Я. Коллар, Л. Штур, Я. Паларик, С. Г. Ваянский.

We find sources of reflections on mutual cooperation of the Slavic nations in Slovak cultural and political environment in the mid-19th century in the works of Ján Kollár. Views on the form of cooperation in this area, even in the scope of Slovak thinking in the 19th century, differ significantly, however. The causes lie in the different answers to the question of what importance Russia, as the dominant “trunk” of Slavdom, should play in association with the idea of Slavic mutuality. L. Štúr’s idealizing view on Tsarist Russia in the work *Slovanstvo a svet budúcnosti* (Slavdom and the World of the Future) as on a political guarantor capable of governmentally arching over the development of the individual Slavic nations in a direction toward the higher culture quality represented by the Russian nation, is subsequently in Slovak culture-political discourse critically doubtful. In opposition to this view an alternative conception of Slavic mutuality was formulated. Its new unifying dimension, aside from culture, becomes an emphasis on the unified civic and political goals of the individual Slavic nations (representatives of the New School were J. Palárik, J. Malý and others). After the political failure of the New School, however, an approach again was asserted in Slovak political thinking which reflects Russia as a key actor in the realization of national and civic rights of the Slavs (for example, S. H. Vajanský).

Keywords: Slavdom, Slavic reciprocity, idea of unity in many, Slovak political thinking, Ján Kollár, Eudovít Štúr, Ján Palárik, Svetozár Hurban Vajanský.

---

* При поддержке гранта VEGA č. 2/0172/17 – «Problémy recepcie a spracovania dejín filozofického a politického myslenia na Slovensku: multifokálny prístup».

Введение

Идея славянства в XIX в. была в той или иной степени центральной в идеологии общественно-освободительных процессов отдельных славянских народов. Идеальной базой развития словацкой коллективной идентичности являлось учение об общеславянской литературной взаимности Яна Коллара. Особое влияние на содержание славянской взаимности – концепта, вырабатывавшегося в дискуссиях словацкой интеллигенции, можно приписать двум философским источникам – И. Г. Гердеру (в интерпретации Я. Коллара [2]) и русским славянофилам А. С. Хомякову, К. С. Аксакову, П. В. Киреевскому, И. С. Аксакову, И. В. Киреевскому. Их идеи, отражающие культурные, политические и религиозные особенности России, вдохновили ту часть словацкой интеллигенции, которая ориентировалась на Россию как на гаранта национальных интересов словаков. В работах Я. Коллара в рамках словацкой философской традиции разрабатывалась идея единства различного, которую он трактовал в контексте философии истории как процесс, в котором общая человеческая природа развивается в форме культурной дифференциации народов [4].

Во второй половине XIX в. в словацкой культурной среде к дискуссии о сути славянской взаимности, помимо уже упомянутого Я. Коллара, присоединились Штефан Лаунер, Йонаш Заборский [5, с. 43–53], а также Людовит Штур, Ян Паларик и Светозар Гурбан-Ваянский. Понимание славянской взаимности Я. Колларом было основано на видении культурно определенного национального единства славян при доминировании «русского племени»¹. Близость славянских культур создавала потенциал для национального единения славян [25, с. 654–663]. Первоначально аполитичная концепция Я. Коллара была позднее трансформирована Л. Штуром в теорию политического взаимодействия.

Славянство и развитие концепции славянской взаимности Л. Штуром

Эволюцию понимания Л. Штуром существа славянской взаимности можно условно разделить на два этапа. На первом этапе он концентрировался на решении проблемы общественного признания свободы отдельных славянских племен в Австрийской империи, ссылаясь в данном контексте на Я. Коллара и его идею единства различного, которую он, не соглашаясь с ее сведением только

---

¹ Концепция славянской взаимности Я. Коллара была основана на подчеркивании культурного и языкового родства славянских племен, в число которых, помимо русского, входили польское, чехословацкое и иллирийские племена.

к культурному и литературному взаимодействию, позднее распространил и на политическую сферу [12, с. 263–264]. Л. Штур полагал, что языковая дифференциация славян и их национальная самобытность являются важными проявлениями духовной и культурной жизнеспособности [12, с. 253].

На этом этапе в политических рассуждениях Л. Штура доминировал романтико-реалистический взгляд на решение вопроса о национальных правах [8, с. 33–74]. До революции 1848–1849 гг. политические теории Л. Штура имели прагматический характер и основывались на идее славянской взаимности, предполагающей всестороннюю взаимопомощь и солидарность. Что касается России, то Л. Штур подчеркивал главным образом ее геополитическое значение, а именно влияние в Европе для защиты славян от азиатских племен [13, с. 163–175].

Уважение к культурной самобытности и разнообразию славянских племен должно было, по мысли Л. Штура, создать предпосылки для взаимной поддержки славянских элит. «Славянская жизнь является раскидистой, как липа со множеством ветвей, – писал он, – народ – один, но разнообразный, и тогда пусть это разнообразие будет в единстве и духовной жизни нашей» [12, с. 244]. По мнению Л. Штура, в данный период реальной целью общей политической координации элит славянских народов являлось достижение национального равноправия в Австрийской империи. Эти помыслы видны в его стремлении улучшить возможности для получения образования на родном языке и расширить политические права словацкого народа. Просвещение он понимал как важное средство достижения свободы, но политическое объединение славянских народов в самостоятельное государство он отвергал [11, с. 159], воспринимая славянские культуры как часть европейской культурной традиции, которую они должны развивать. Исторический оптимизм Л. Штура в восприятии подъема славянских народов происходил именно от их духовного потенциала и культурного разнообразия [14, с. 167–168].

Панрусизм Л. Штура в период с 1848 по 1849 гг.

Идеологический сдвиг во взгляде Л. Штура на славянство, определивший второй этап развития его воззрений на идею славянской взаимности, был связан с революцией 1848–1849 гг. В эти годы он отошел от стратегии эволюционного достижения национальных целей, допустив возможность единоразово, согласно романтическому представлению об историческом действии, и институционально обеспечить национальное признание словаков. В условиях общественных трансформаций в Австрийской империи

Л. Штур полагал, что при тесной координации славянской интеллигенции можно быстрее добиться уважения культурных и политических прав славян, так как решение вопроса о национальных правах следует осуществлять сверху, при помощи элиты. На данном этапе Л. Штур постоянно подчеркивал патриотический смысл борьбы за национальное равноправие. В революционное время идея единства в многообразии в ее приложении к рефлексии славянства определяла характер славянской солидарности без сепаратистских устремлений. В некоторых текстах революционного периода Л. Штур писал о России как о стране, которая может быть примером устройства отношений для Европы и славян. В статье «Русские» уже присутствовала идеализация российских общественных и политических отношений, главным образом в контексте разделения интересов царя и народа [11, с. 193–194]. Этот текст является доказательством того, что шутуровское понимание отношений Европы и России начинало иметь элементы дихотомического восприятия Запада и Востока, при этом Восток отождествлялся с Российской империей как главным представителем славян.

В послереволюционные годы разочарование Л. Штура привело к тому, что его романтично-реалистические взгляды трансформировались в мессианские, и он стал писать о славянской цивилизационной миссии под эгидой России, которая должна была сформировать славян в единый культурно-политический субъект в истории, решив проблемы национального неравноправия. Вследствие этого идея славянской взаимности приобрела у словацкого мыслителя утопические масштабы. Культурное и языковое разнообразие славян он стал считать препятствием для реализации национальных и политических прав, высказываясь негативно о значении национального своеобразия в связи с отсутствием государственно-правовых амбиций у отдельных славянских племен и отсутствием у них интереса к общественным делам [15, с. 46–47]. По этой причине первоначальная основа славянского взаимодействия была заменена им концепцией панславизма.

Затем Л. Штур воспринял славянофильскую интерпретацию истории, суть которой он видел в духовном напряжении между Востоком и Западом. В этой интерпретации Россия представляла собой источник духовного возрождения, а Запад (в значении остальных европейских стран) – развитие в направлении к распаду ценностей и «разрушению человечности» [15, с. 113]. В работе «Славянство и мир будущего» понимание славянства Л. Штуром уже содержит видимые элементы «историзма» (в том значении, в котором его трактовал К. Р. Поппер [10]). В едином славянстве,

политически и культурно унифицированном под началом царской России, он видел будущий исторический субъект.

Л. Штур по примеру славянофилов воспринимал российский народ как исключительного носителя славянской сути (*esenciality*). В данном понимании сути славянства ориентированность идей Л. Штура на Россию приобрела форму романтической идеализации царской автократии. Он утверждал, что только в российском обществе присутствуют единство и гармония воли правящих и подвластных, исключительным представителем которых является царь, сочувственно выражающий интересы народа (принцип соборности) [15, с. 157]. Все общество при этом интегрируется позитивным влиянием православия, которое определяет его духовное развитие [15, с. 170–171].

Такое мессианское видение России было обосновано тем, что Л. Штур именно ее считал цивилизационным субъектом духовного завершения исторического развития, в отличие от «разлагающегося» Запада [8, с. 794–803]. Причинами присоединения славян к России должны были быть творчество, скромность, добродушие русского народа, который при наличии общинной системы смог создать сильное государство [15, с. 159–160].

В связи с этим Л. Штур утверждал, что только в России просвещенный и милосердный царь правит во имя блага народа [15, с. 117]. Термин духовно и культурно «загнивающего» Запада, который появился в славянофильской риторике, употребляется во множестве пассажей произведения «Славянство и мир будущего» [15, с. 70, 71, 85, 87, 91, 95, 114, 128]. Воспринимая Запад таким образом и описывая недостатки европейских стран, Л. Штур ссылаясь на идеи А. С. Хомякова, который понимал историю как процесс борьбы двух основных жизненных принципов – «иранства» и «кушитства»¹, проявляющихся в различном характере религиозности отдельных народов и отдельных христианских церквей, причем большая преданность духовным принципам приписывалась православию. Проявления «кушитства» он находил главным образом в католицизме и в меньшей степени в реформированных протестантских движениях [3, с. 45; ср. 15, с. 110–113]. Л. Штур, как и А. С. Хомяков, считал важной причиной упадка Запада разрушение принципов христианства, церковного уклада и светский, «материалистический» образ жизни [15, с. 69–70]. Пра-

---

¹ «Иранство», согласно А. С. Хомякову, характеризуется наличием духовных ценностей. Историческими носителями данного принципа являются славяне, в особенности русский народ с его умеренностью и гармоничным образом жизни. «Кушитство», напротив, проявляется в стремлении к могуществу, управлению и материальному достатку.

вославная церковь становилась, по его мнению, гарантом и носителем высших духовных принципов. Различие между Европой и Россией Л. Штур видел в понимании роли религии в обществе. Уменьшение значения христианства в Европе являлось, по его мнению, важнейшей причиной ее культурного упадка, так как Европа уже не считала ценностью пожертвование в пользу целого.

Признаком негативного развития Европы Л. Штур считал реализацию идей конституционализма, либерализма и коммунизма, полагая, что эти идеологии не смогли обеспечить даже внешнюю (политическую) свободу человека в общественной жизни. Нефункциональность либеральных институтов, индивидуализм, секуляризацию, гедонизм и т. д. он определял как причины политической слабости отдельных славянских государств в Европе. Уважение к светской и религиозной власти, «начальству», духовную преданность православной церкви, «соборность», общинный коллективизм Л. Штур трактовал как собственно славянские ценности. Его панрусистское видение исторической миссии славян исходило из предположения, что будущее развитие славянских народов возможно было только при условии их объединения с царской Россией и принятия русской культуры.

*Славянская взаимность в либеральной
перспективе Новой школы*

В противовес поздним идеям Л. Штура новая интерпретация славянской взаимности в словацком дискурсе была предложена в т. н. Новой школе, представители которой в 1868–1874 гг. организовались вокруг редакции «Словацкой газеты». Их альтернативный подход к пониманию процесса формирования нации заключался в определении значения гражданских, культурных и социальных прав людей. Подход представителей Новой школы (к ней относились Ян Паларик, Ян Н. Бобула, Ян Малли, Коломан Баншел) к проблематике славянской взаимности был обоснован в статье Я. Паларика «О взаимности славянской», опубликованной в альманахе «Lira» в 1864 г. [7, с. 173–192]. Суть славянского взаимодействия определялась здесь как общее стремление к достижению гражданского и национального равноправия и право на свободное развитие славянских народов [7, с. 183–184]. Я. Паларик критически высказывался относительно концепций славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура. По его мнению, в первом случае взаимодействие славян ограничивалось только сферой литературы или культуры, а во втором – некритически идеализировались российские общественные и политические порядки. Таким образом, подход Я. Коллара к пониманию славянской взаимности

Я. Паларик определял как «вредное ограничение», а теорию Л. Штура считал мистификацией. Нечеткая артикуляция целей славянской взаимности, по мнению Я. Паларика, ставила под сомнение ее смысл и вызывала недопонимание. Расширение значения культурной взаимности Я. Коллара с помощью иных форм свободного взаимодействия должно было, по мнению Я. Паларика, привести к улучшению взаимных отношений между славянами. Причиной должны были быть, по сути, одинаковые цели славянских народов – равноправие в гражданской и культурной жизни, свобода и максимально широкое национальное самоуправление [7, с. 184].

Новая школа в своей политической программе подчеркивала смысл постепенной гражданской активизации народа в границах Венгерского государства. Значимая общественная деятельность народа возможна была бы только на основании расширения его образованности и при поступательном общественном развитии. Философское обоснование данного политического подхода в основном опиралось на французскую и англосаксонскую традиции политической мысли, что доказывают ссылки на труды Ш. Монтескье и Дж. Ст. Милля. Сотрудничество в области развития отношений между славянами, по мнению представителей Новой школы, нужно было основывать на базе добровольности, диалога и свободы объединений. Этот либеральный подход базировался на акцентировании свободы слова и печати, плюрализма взглядов, а также уважения индивидуальной свободы и ответственности. Перспектива централизации славянских народов под эгидой России считалась контрпродуктивной, а панрусизм Л. Штура, по мнению представителей Новой школы, приводил к нивелированию культурной индивидуальности славянских культур. Я. Паларик, рассуждая о славянской взаимности, отвергал любую ассимиляционную политику.

Таким образом, идея славянской взаимности могла быть, по мнению представителей Новой школы, приемлемой с политической точки зрения только на основании развития гражданского участия и свободного, автономного развития отдельных славянских племен в составе уже существующих государств, а российский абсолютизм на тот момент не допускал уважения основных политических прав и гражданских свобод [7]. В статьях словацких газет сторонники Новой школы доказывали несовместимость идеи славянской взаимности с политическим панславизмом, источник которого они видели в некритическом, идеалистическом видении царской России. При этом прогресс в истории воспринимался ими на фоне развития духа, исходящего из возможностей постоянного развития образования, национального и гражданско-

го сознания. Этот процесс окультуривания народа одновременно создавал у славян наилучшую платформу для кооперации. Таким образом, определенная славянская взаимность и вытекающий из нее панславизм, по мнению Я. Паларика, являлись дружественными по отношению к свободе других народов и отдельных лиц, поскольку суть их была либеральна [7, с. 192].

В таком либеральном понимании славянской взаимности сходились мнения части словацкой и чешской культурных элит¹. Сравнивая, например, работы К. Гавличка-Боровского и Я. Паларика, мы встречаем одинаковые определения сущности славянской взаимности, а также предостережения об опасности культурно-политического слияния славян в одном государственном объединении и односторонней ориентированности на царскую Россию [1, с. 316; 6, с. 971–983].

Концепция славянофильства С. Гурбан-Ваянского

Светозар Гурбан-Ваянский в конце XIX в. подчеркивал значение идеи славянства в контексте народно-освободительного движения словаков. Причинами этого были его контакты с группой российских славянофилов и солидарность с философско-политической доктриной Л. Штура. С. Ваянский определял суть славянства так же, как и автор работы «Славянство и мир будущего», и в русской культуре (а позже и в политическом устройстве России) видел пример для подражания, считая Россию гарантом национальной свободы всех славянских народов. Как и Л. Штур, С. Ваянский историческое развитие понимал в контексте диалектики Гегеля. Ключевой, движущей силой исторического развития он считал культурный спор между «Западом» и «Востоком», где первый был представлен главным образом «германским и англосаксонским элементом», а второй – «славянским элементом», в котором культурно и политически доминировал русский народ [18, с. 2–3]. Примордиалистский взгляд на суть и развитие народов у С. Ваянского комбинировался с необходимостью завершения исторического развития посредством цивилизационной роли славянства [22, с. 1]. Этот тезис высказывался во множестве статей, публиковавшихся в основном в «Национальной газете», и подтверждался частыми ссылками на произведения русских писате-

---

¹ Карел Гавличек Боровский и Франтишек Палацкий много раз подчеркивали разницу между свободным сотрудничеством славян и уравнивающим политическим панславизмом, т. е. панрусизмом. Сходство мнений представителей Новой школы и части чешской политической элиты по вопросу политического панславизма при доминировании России подтверждает также письмо Ф. Палацкого, опубликованное в № 89 «Словацкой газеты» за 1873 г.

лей и славянофилов (И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, И. С. Аксакова, А. С. Хомякова). С. Ваянский провозглашал славян избранными Богом народами, которым было предопределено исполнить историческую цивилизационную миссию. Развивая идеи Гердера и славянофилов, он положительно характеризовал славянские качества и достоинства, которыми, по его мнению, были наделены славяне для того, чтобы успешно сыграть цивилизационную роль в истории. Во многих статьях С. Ваянский развивал мысль о том, что славянской природе неведомы такие отрицательные качества, как страх [23, с. 1], гордость [20, с. 1], склонность к обману [24, с. 1], и присущи скромность, упорство, отвага и иные положительные качества. Такая трактовка славянства и его культурной миссии проистекала из необходимости тесного взаимодействия славянских народов и царской России¹. В результате российское самодержавие в контексте славянской взаимности вновь стало более привлекательным, чем «Запад» с его либерализмом, который, по мнению С. Ваянского, являлся врагом свободы народов и «христианской науки и любви» [24, с. 1]. Славянство, с этой точки зрения, воспринималось носителем духа понимания и поиска гармонии и противопоставлялось «Западу» с его материализмом, индивидуализмом, эгоизмом, или «дарвинисткой» справедливостью, построенной по принципу права сильного [16, с. 1].

Размышляя о славянстве, с одной стороны, и о словацком народе, с другой, С. Ваянский высказал интересную мысль, объясняющую, почему идея славянской взаимности в культуре словаков является более признанной, чем у других славянских народов (чехов, словенцев, поляков, сербов). Причиной, по его мнению, является то, что словацкая национальная идентичность изначально сформировалась из идеи славянства. Именно поэтому и в настоящее время идея славянской взаимности сохраняет в подсознании словацкого народа высокую ценность и оказывает большое влияние на словацкую культуру [21, с. 1–2].

Заключение

Высказанная Я. Колларом идея славянской взаимности, предполагающая единство различного, стала основополагающей для формирования национального самосознания словаков, однако взгляды на существо славянской взаимности в словацкой политической мысли второй половины XIX в. были различными. Причи-

---

¹ Например, С. Ваянский, говоря о русской автократии, в статье «Царь-освободитель» период правления Александра II приравнивает к реформаторской эпохе Петра I, Дж. Вашингтона и А. Линкольна [17, с. 1].

на заключалась в разных ответах на вопрос о том, какую роль должна сыграть Россия, или русское «племя», в процессе реализации идеи славянской взаимности. В работе «Славянство и мир будущего» Л. Штур радикально изменил первоначальное содержание идеи славянской взаимности, вследствие чего изменилось и представление о роли России. Россию и славян он отделил от Европы и обозначил как самостоятельную сущность. В качестве ключевых условий достижения славянского единства он назвал православие, русскую культуру и традиции, а также царскую Россию. Л. Штур отказался от тезиса о позитивном влиянии культурного разнообразия и национального своеобразия славян и категорически стал настаивать на необходимости культурной, религиозной и государственной интеграции славян под эгидой России, полагая, что только таким образом славяне смогут выполнить свою цивилизационную миссию развития человечности в истории.

Тем самым Л. Штур практически опроверг существовавшую до тех пор программу формирования нации словацкой элиты, которую до революции 1848 г. отстаивал и он сам. Против панславистской интерпретации славянской взаимности выступила сформированная вокруг Я. Паларика группа мыслителей, сформулировавшая альтернативную теорию, в основе которой, кроме тезиса об общности культуры, было положение о единстве политических целей славян. Либеральная программа Новой школы базировалась на идее единства различного, сформулированной в работах Я. Коллара и раннего Л. Штура. Славянская взаимность, по мысли представителей Новой школы, предполагала свободное политическое и культурное взаимодействие при сохранении отдельных национальных обществ, а также принятие принципов плюрализма, культурного разнообразия, свободной дискуссии, гражданского равноправия и уважения национальных особенностей славянских народов в составе уже существующих государств.

После распада Новой школы в публицистике С. Гурбана-Ваянского в словацком дискурсе снова появился тезис о России как историческом субъекте, гарантирующем свободное развитие отдельных славянских народов. Хотя С. Ваянский уже не писал о необходимости культурной и религиозной интеграции славянских народов с Россией, но снова стал интерпретировать русскую культуру как выражающую суть славянства. В результате Россия вновь стала пониматься как гарант свободы славян.

В словацком политическом дискурсе имеется широкий диапазон интерпретаций идеи славянской взаимности: от понимания ее сути в аполитичном, культурном взаимодействии (Я. Коллар), в свободном общении славянских народов как равноценных субъектов (ранний Л. Штур, Я. Паларик и представители Новой школы),

и до панрусизма, подчеркивающего мессианскую роль России в деле достижения свободы славян («Славянство и мир будущего» Л. Штура, публицистика С. Ваянского).

Несмотря на очевидные различия во взглядах на содержание и цели славянской взаимности, можно констатировать, что эта идея сыграла важную роль в становлении и развитии словацкой культурной идентичности.

Литература

1. *Havlíček K.* Dílo II. Praha: Československý spisovatel, 1986.
2. *Herder J.G.* Uměním k lidskosti. Praha: Oikoymenh, 2006.
3. *Ivantyšynová T.* Češi a Slováci v ideologii ruských slavianofilov (40.–60. roky XIX. storočia). Bratislava: Veda, 1987.
4. *Kollár J.* O literárnej vzájomnosti. Bratislava: SAV, 1954.
5. *Krištof P.* Slovanstvo a formovanie národnej identity v prácach Ľudovíta Štúra, Jonáša Záborského a Štefana Launera // Fenomén krásy v reflexii súčasného slovanského myslenia. Trnava, 2011.
6. *Martinkovič M.* Ideové analógie v liberalizme Karla Havlíčka Borovského a Jána Palárika // *Filozofia*. 2009. № 10.
7. *Palárik J.* Za reč a práva ľudu. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1956.
8. *Pichler T.* „Západ“ a „Východ“ v etnickom romantizme Ľudovíta Štúra // *Filozofia*. 2006. № 10.
9. *Pichler T.* Národovci a občania: O slovenskom politickom myslení v 19. storočí. Bratislava: Veda, 1998.
10. *Popper K.R.* Bída historicizmu. Praha: Oikoymenh, 1994.
11. *Štúr L.* Dielo II // Štúr L. Rusi. Bratislava, 1986.
12. *Štúr L.* Reči a state. Bratislava, 1953.
13. *Štúr L.* Slovania, bratia! Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1956.
14. *Štúr L.* Slovania, bratia! Zväzok II. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1956.
15. *Štúr L.* Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava: Slovenský inštitút medzinárodných štúdií, 1993.
16. *Vajanský S.H.* Darwin // *Národné noviny*. 25.04.1882. № 48.
17. *Vajanský S.H.* Cár osloboditeľ // *Národné noviny*. 17.03.1881. № 32.
18. *Vajanský S.H.* Politické sväzky // *Národné noviny*. 23.03.1880. № 35.
19. *Vajanský S.H.* Politické sväzky // *Národné noviny*. 24.03.1880. № 36.
20. *Vajanský S.H.* Sila // *Národné noviny*. 30.04.1881. № 50.
21. *Vajanský S.H.* Slovenské problémy // *Národné noviny*. 12.07.1883. № 80.
22. *Vajanský S.H.* Stagnácia // *Národné noviny*. 19.03.1880. № 34.
23. *Vajanský S.H.* Vytrvajme! // *Národné noviny*. 04.12.1880. № 143.
24. *Vajanský S.H.* Žiadajú konštitúciu // *Národné noviny*. 16.04.1881. № 45.
25. *Városová E.* Kultúrny nacionalizmus Jána Kollára // *Filozofia*. 1995. № 12.

Martinkovich, Marcel. *Transformation of the Slavdom idea and reflections on Russia in the Slovak political thought of the second half of the 19th century*

References

1. Havlíček, K. *Dílo II* [Work II], Prague: Czechoslovak writer, 1986.
2. Herder, J.G. *Uměním k lidskosti* [Art for humanity], Prague: Oikoymenh, 2006.
3. Ivantyšynová, T. *Češi a Slováci v ideologii ruských slavianofilov (40.–60. roky XIX. storočia)* [Czechs and Slovaks in the ideology of Russian Slavophiles (40–60s of the 19th century)], Bratislava: Veda, 1987.
4. Kollár, J. *O literárnej vzájomnosti* [On literary reciprocity], Bratislava: SAV, 1954.
5. Krištof, P. Slovanstvo a formovanie národnej identity v prácach Ľudovíta Štúra, Jonáša Záborského a Štefana Launera [Slavicity and the formation of national identity in the works of Ľudovít Štúr, Jonáš Záborský and Štefan Launer], in *Fenomén krásy v reflexii súčasného slovanského myslenia* [The phenomenon of beauty in the reflection of contemporary Slavic thinking], Trnava, 2011.
6. Martinkovič, M. Ideové analógie v liberalizme Karla Havlíčka Borovského a Jána Palárika [Ideological analogies in the liberalism of Karel Havlíček Borovský and Ján Palárik], in *Filozofia* [Philosophy], 2009, № 10.
7. Palárik, J. *Za reč a práva ľudu I* [For the freedom of speech and the rights of people, I], Bratislava: Slovak publishing house of fiction, 1956.
8. Pichler, T. „Západ“ a „Východ“ v etnickom romantizme Ľudovíta Štúra [“West” and “East” in the ethnic romanticism of Ľudovít Štúr], in *Filozofia* [Philosophy], 2006, № 10.
9. Pichler, T. *Národovci a občania: O slovenskom politickom myslení v 19. storočí* [Populists and citizens: On Slovak political thought in the 19th century], Bratislava: Veda, 1998.
10. Popper, K.R. *Bída historicizmu* [The poverty of historicism], Prague: Oikoymenh, 1994.
11. Štúr, Ľ. Dielo II [Work II], in Štúr, Ľ. *Rusi* [Russians], Bratislava, 1986.
12. Štúr, Ľ. *Reči a state* [Speech and state], Bratislava, 1953.
13. Štúr, Ľ. *Slovania, bratia!* [Slavs, brothers!], Bratislava: Slovak publishing house of fiction, 1956.
14. Štúr, Ľ. *Slovania, bratia! Zväzok II* [Slavs, brothers! Volume II], Bratislava: Slovak publishing house of fiction, 1956.
15. Štúr, Ľ. *Slovanstvo a svet budúcnosti* [Slavonic peoples and the world of the future], Bratislava: The Slovak institute of international studies, 1993.
16. Vajanský, S.H. Darwin, in *Národné noviny* [National Newspaper], 25.04.1882, No. 48.
17. Vajanský, S.H. Cár osloboditeľ [Tsar-liberator], in *Národné noviny* [National Newspaper], 17.03.1881, No. 32.
18. Vajanský, S.H. Politické sväzky [Political bonds], in *Národné noviny* [National Newspaper], 23.03.1880, No. 35.
19. Vajanský, S.H. Politické sväzky [Political bonds], in *Národné noviny* [National Newspaper], 24.03.1880, No. 36.
20. Vajanský, S.H. Sila [Force], in *Národné noviny* [National Newspaper], 30.04.1881, No. 50.

21. Vajanský, S.H. Slovenské problémy [Slovak problems], in *Národné noviny* [National Newspaper], 12.07.1883, No. 80.
22. Vajanský, S.H. Stagnácia [Stagnation], in *Národné noviny* [National Newspaper], 19.03.1880, No. 34.
23. Vajanský, S.H. Vytrvajme! [Survive!], in *Národné noviny* [National Newspaper], 04.12.1880, No. 143.
24. Vajanský, S.H. Žiadajú konštitúciu [They ask for a constitution], in *Národné noviny* [National Newspaper], 16.04.1881, No. 45.
25. Várossová, E. Kultúrny nacionalizmus Jána Kollára [Cultural nationalism of John Kollar], in *Filozofia* [Philosophy], 1995, No. 12.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.3>